

Содержание

С. А. Котляревский

Марк Аврелий

9

Марк Аврелий

Размышления

Книга первая

67

Книга вторая

82

Книга третья

91

Книга четвертая

101

Книга пятая

118

Книга шестая

132

Книга седьмая

148

Книга восьмая

170

Книга девятая

188

Книга десятая

202

Книга одиннадцатая

221

Книга двенадцатая

235

Эрнест Ренан

Марк Аврелий и конец античного мира

Предисловие

247

Воцарение Марка Аврелия

255

Улучшения и реформы.

Римское право

268

Владычество философов

277

Гонения на христиан

291

Возрастающее величие Римской

Церкви. Псевдо-Климентины

301

Тациан. Две системы апологий

317

Великие епископы Греции и Азии.

Мелитон

322

Вопрос о Пасхе

332

Последнее усиление хилиазма и дара

пророчества. Монтанисты

340

Спротивление правоверной Церкви

349

Марк Аврелий у квадов.

Книга «Размышлений»

355

<i>Legio Fulminata.</i>	Внутреннее мученичество
Апологии Аполлинария,	Марка Аврелия.
Мильтиада, Мелитона	Его приготовление к смерти
373	457
Гностики и монтанисты в Лионе	Смерть Марка Аврелия.
382	Конец античного мира
Лионские мученики	472
388	Христианство в конце II века.
Восстановление лионской церкви.	Догма
Иринея	489
408	Куль и дисциплина
Цельс и Лукиан	498
413	Причины победы христианства
Успехи организации	513
431	Социальный и политический
Школы александрийская, эдесская	переворот, вызванный
444	христианством
Статистика и географическая	529
распространенность христианства	
451	

Об этой книге

От Издательства

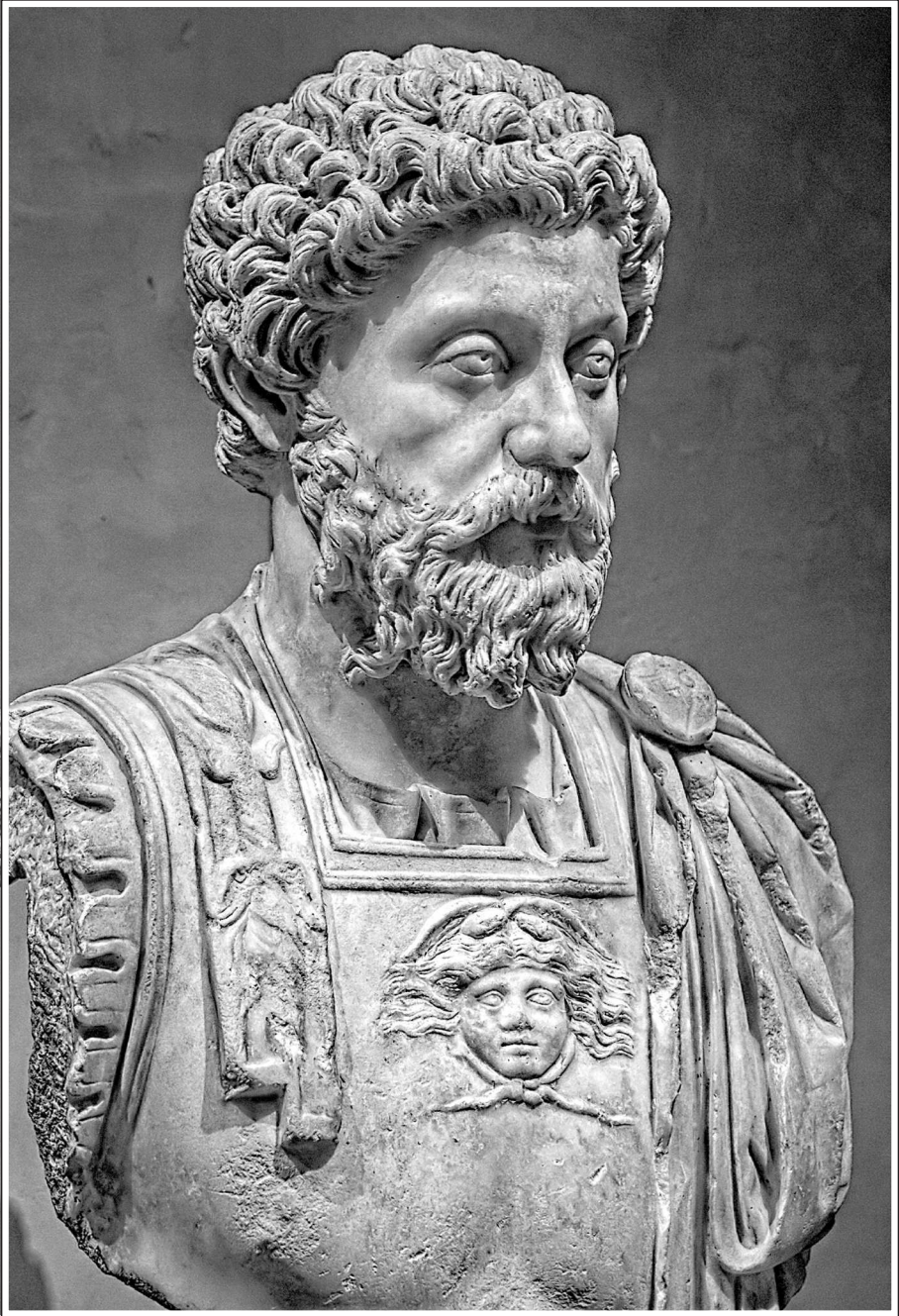
«Размышления» Марка Аврелия были впервые изданы в 1569 году в Цюрихе. С тех пор это сочинение римского императора входит в число самых выдающихся образцов философской мысли.

И при этом «Размышления» — не типичный философский трактат, а скорее дневник. Неслучайно эта книга — а точнее, двенадцать книг, объединенных в единое целое, — известна под названиями «Наедине с собой», «Рассуждения о самом себе», «Послания к самому себе».

Большинство исследователей полагает, что Марк Аврелий действительно не думал о том, что его «Размышления» будут когда-либо опубликованы. И в этом: в сокровенности и искренности мыслей, есть главная ценность этой книги.

Величайший ум, объятый — нет, не страстями, а борьбой противоречий. С одной стороны, тщета жизни, можно даже сказать, ее бессмысленность. Марк Аврелий говорит о славе: «Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы». А с другой — чувство долга, ответственность, которая лежит на нем как на повелителе огромного государства. И потому слова императора подчас суровы, но его дела и поступки вызывали и вызывают восхищение.

Марк Аврелий не ставит себе цели, его единственное стремление — излить душу, без свидетелей обращаясь к высшим силам. Вот почему «Размышления» Марка Аврелия из тех книг, о которых говорят: это на все времена...

Бюст императора Марка Аврелия Антонина.

Мрамор. II в.

С. А. Котляревский

Марк Аврелий

Атмосфера глубокого и подлинного трагизма окружает образ Марка Аврелия. Юлий Цезарь погиб, когда то жизненное его дело, которому уготовано было торжество в истории римской цивилизации, уже совершилось, и эта смерть не могла остановить ни внутреннего преобразования республиканского строя, ни романизации европейского Запада; можно сказать, личная катастрофа лишь засвидетельствовала прочность закладываемого здания.

Юлиан провел жизнь в безнадежной борьбе, защищая обреченный на гибель культурно-общественный уклад; его царствование осталось каким-то мимолетным недоумением, которое не ослабило и не задержало союза христианства с империей: здесь было лишь бессилие угадать дух времени, слабость воображения, поработанного прошлым, — все то, что не отличает Юлиана среди ряда других утопистов реакции, если не обращать внимания на его личное благородство и бескорыстие.

Совершенно иначе сложилась историческая судьба Марка Аврелия. В целях его государственной деятельности, как и в самой его натуре, не было ничего утопического. Он шел по тому широкому пути правового и морального оздоровления империи, на котором он имел предшественников, подобных Траяну, Адриану и Антонину; им завершился тот поистине золотой век Римской империи, когда ее представители совмещали со старыми, унаследованными от республики устоями новую универсальную культуру, символически выражающуюся в словах: *paх romana**.

---

* Римский мир (лат.).

Это была монархия, как нельзя более далекая — несмотря на внешние формы — от азиатской деспотии и едва ли не приближающаяся к типу пожизненной стратегии, описанной в «Политике» Аристотеля. Если верить афоризму, что у всякого народа есть правительство, которого он заслуживает, то населению империи II века нельзя отказать в весьма высокой исторической оценке.

Но как все это было не прочно! Марк Аврелий заканчивал, а не открывал блестящую главу из истории римской монархии. Он получил власть из рук Антонина Пия, которому он посвятил столь прочувствованную характеристику в своих «Размышлениях», — и он должен был передать эту власть сыну Коммоду, духовный кругозор коего ограничивался цирком и удовольствиями в уровень со вкусом конюхов и кулачных борцов. Господство философии, за которое Марк Аврелий получил, впрочем, от позднейших историков более порицаний, чем похвал, уступает место господству разнузданного насилия.

Империя входит в полосу того хозяйственного и культурного кризиса, который отбросил ее к более элементарным формам быта и подготовил Средние века. Защита империи от напора с севера и востока, которую так обдуманно вел Марк Аврелий, следуя и здесь своим предшественникам, становится задачей все менее посильной для Римского государства.

Реформы Диоклетиана и Константина восстанавливали столь расшатанный государственный порядок, но какое расстояние отделяет этот бюрократический деспотизм от представлений о властителе как слугителе общего блага — представлений, которые мы найдем у Марка Аврелия. Его дело было разрушено, и не без основания в глазах Ренана день смерти Марка Аврелия является «решительным моментом, когда определена была гибель старой цивилизации», которая, казалось, еще носила в себе столько жизненных сил. Было что-то символическое в самой семейной судьбе императора.

Но Марк Аврелий-император был все же лишь случайностью, которая выпала на долю Марка Аврелия-мыслителя. Истинное содержание его духовной жизни, которое открывается в «Размышлениях», сосредоточивалось всегда вокруг сущности и судьбы человеческой души, ее отношений к космосу, к божественному провидению.

И можно сказать, в этих «Размышлениях» преодолевается указанный выше исторический трагизм. Что значит жизнь империи,

Марк Аврелий в императорском облачении.

Мрамор. Конец II в.

противопоставленная жизни космоса, что значат исторические заблуждения, ошибки, даже преступления, если над всем господствует необходимость и эта необходимость есть в то же время провидение? Эти мысли не приводили ни к равнодушию, ни к бегству от обязанностей, но создавали перспективу, которая соединяла благородного римского императора со всеми последующими веками.

Дело государственного строительства и государственной защиты было разрушено, но остался строй мысли, обращенный к душе, миру и богу, остался и окрыляющий эти мысли пафос: им не грозит уничтожение, ибо человечество никогда не разучится их понимать. На них лежит печать вечности, как она лежит на еврейских пророках, несмотря на политическую катастрофу, постигшую еврейский народ, на греческих трагиках, несмотря на гибель эллинского полиса.

Марк Анний Вер, ставший впоследствии, после того как Антонин усыновил его, Марком Аврелием Антонином, родился в 121 году. Его отец умер в весьма юном возрасте, и главная забота о воспитании Марка пала на его деда Анния Вера, который был дважды консулом и, по-видимому, пользовался расположением императора Адриана, состоявшего с ним в отдаленном родстве. Автор «Размышлений» был всегда проникнут чувством благодарности к людям, которым он считал себя обязанным, и нас не может удивлять, что первые строки этих «Размышлений» посвящены его деду, отцу и матери: «Деду Веру я обязан уравновешенностью и незлобивостью; славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью; матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов и сверх того простым образом жизни, далеким от всякой любви к роскоши».

В этой семейной среде получил Марк Аврелий и первые представления об обязанностях правителя, о праве и свободе граждан; он вспоминает о брате Севере, который познакомил его с жизнью Тразея, Гельвидия, Катона, Диона и Брута и дал ему идеал государства, с равным для всех законом, и идеал царя, заботливо хранящего свободу подвластных. Республиканские традиции были живы в этой семье, несмотря на ее близость к престолу Цезарей.

Но в еще большей степени Марк Аврелий чувствовал подобную благодарность к своим учителям. Важнее всего — личное влияние и общение с учителем: оно гораздо более достижимо при семейном воспитании, чем в школе, и Марк Аврелий считал себя счастливым,

что в детстве и юности он не посещал школ, а пользовался уроками учителей дома (1, IV)*.

Он получил обычное грамматическое и риторическое образование, которое дало ему и хорошее знакомство с греческой литературой, сказывающееся и в «Размышлениях», — с Гомером, быть может, Гесиодом (11, XXXII), Софоклом (11, VI), Еврипидом, Аристофаном (7, XXXVIII и др.). Без сомнения, эти уроки оказали влияние и на его стиль, отмеченный глубоким чувством меры: как мало расточителен он на метафоры и образы и какой содержательной, выразительной оболочкой мысли служит этот стиль. «Расстаться с жизнью так же легко, как легко падает созревшая олива, благословляя природу, которая ее породила, и благодаря дереву, которое ее произвело» (4, XLVIII). «Люди убивают, рвут на части, преследуют проклятиями. Но чем это может помешать мысли остаться чистой, рассудительной, благоразумной, справедливой? Так, если кто-нибудь, подойдя к прозрачному и свежему роднику, станет изрыгать на него хулу, родник все же не перестанет бить ключом питьевой воды. И пусть подошедший даже бросит в него грязью или навозом, родник очень скоро все это рассеет, смочет и не замутился. Когда же ты будешь обладать этим вечно текущим источником?» (8, LI).

Насколько увлекался сам Марк Аврелий в своей юности уроками риторики, можно видеть из его писем к Фронтому, который, впрочем, имел огорчение видеть, как у его питомца это увлечение уступило место более глубокой страсти — к философии. Впоследствии он считал возможным даже благодарить богов, что не сделал больших успехов в риторике и поэтике, которые могли бы захватить его внимание и силы и отвлечь от философии.

Читая прославления философии у Марка Аврелия, мы всегда должны помнить, какое место она занимала в культурном обиходе Римской империи. Она должна была как бы заменить ту «древнюю доблесть», которая считалась достоянием исконного нравственного уклада, но которая, по общему признанию, могла сохраниться лишь при безвозвратно утраченной простоте и элементарности жизни. Философии предназначалось руководство нравственной жизнью отдельного человека и целого общества; с другой стороны, она выполняла как бы функции религии, сама отделяясь от последней все менее и менее явственной чертой.

---

* Здесь и далее в скобках арабскими цифрами обозначены книги «Размышлений», а римскими — главы.

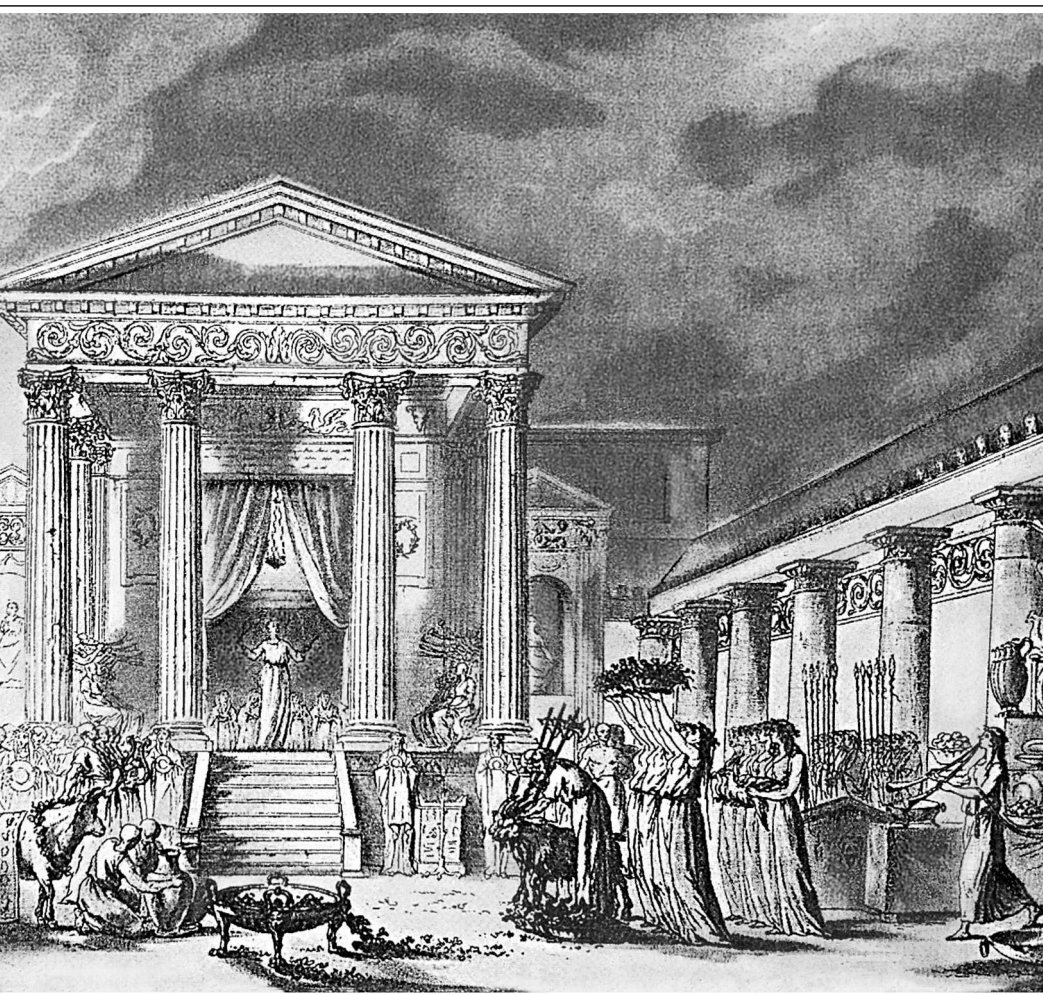
Культ богини Исида — один из древнейших в истории человечества. Согласно египетской мифологии, Исида — богиня плодородия, воды и ветра — символизировала еще и женственность, а также супружескую верность. Исида была первой дочерью Геба, бога земли, и Нут, богини неба, сестрой и супругой Осириса. Исида помогала своему божественному супругу цивилизовать Египет, учредила институт брака и обучила египетских женщин жать, прясть и ткать, лечить болезни.

Исида являлась одной из самых почитаемых богинь в греко-римском мире. Связанные с ее культом мистерии приобрели широкое распространение. Храмы в честь богини были воздвигнуты в Афинах, Риме и многих других античных городах; в частности, изображенный на данной иллюстрации храм в Помпеях неплохо сохранился до наших дней даже после знаменитого извержения Везувия в 79 г. Почитание Исиды, по мнению многих историков, представляло едва ли не главную конкуренцию раннему христианству.

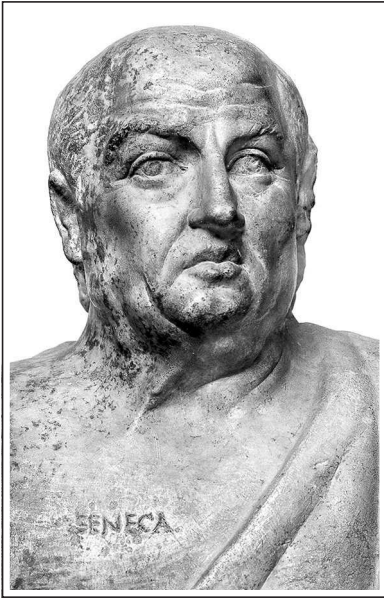
Поскольку религия продолжала охранять и освящать данный государственный порядок, она сосредоточивалась в культе императоров — здесь рядом с личным облагодетельством, имевшим столько образцов в греческом мире, содержался апофеоз государства. За пределом этого политического исповедания оставалась область возрастающего религиозного синкретизма: греко-римский пантеон постоянно заслонялся восточными образами, и культ населения империи, начиная с Рима, как нельзя более отражал ее этнографическую и культурную пестроту.

Вместо национальных религий, имевших строгую обособленность, образуется космополитическая религиозная среда, среди которой так легко создается представление, что разнообразные имена и образы

богов, своеобразные их культы суть лишь внешняя оболочка, скрывающая единую истину. «Фригийцы, — говорит в «Золотом осле» Апулея своему поклоннику Исида, — древнейшие изо всех народов, называют меня матерью богов и Пессинунтской богиней; афиняне — кекропской Минервой; жители острова Кипра — пафосской Венерой; критяне, искусные в метании стрел, — Дианой-охотницей; сицилийцы, говорящие тремя языками, именуют меня стикской Прозерпиной; элевсинские жители — древней богиней Церерой; иные называют меня Юноной, другие Беллоной, иные Гекатой, другие Неме-

Храм Исиды
в Помпеях.
Гравюра. XIX в.

**Бюст Луция
Аннея Сенеки.**

Мрамор. I в.

зидой; но эфиопы, озаряемые всегда первыми лучами восходящего солнца, и египтяне, самые древние и самые мудрые из людей, почитают меня точным и собственным моим именем, то есть богиней Исидой, и только они истинно и праведно служат мне перед алтарями».

Там, где религиозный образ не берется в его непосредственном виде, там открывается путь для символического истолкования, как это мы видим в истории всех религий, и в таком истолковании всегда есть и элемент философский. Уже ранний стоицизм Зенона, Клеанфа и Хрисиппа широко применял метод аллегорического объяснения мифов, причем Кронос и Рея

оказывались временем и материей, Гефест — огнем, Аполлон и Артемида — солнцем и луной, и т. п. Но чем больше в стоической философии моральные интересы получали преобладание, тем менее уже можно было довольствоваться чисто натуралистическими истолкованиями.

У Сенеки, Музония и особенно у Эпиктета мы уже видим прежде всего стремление раскрыть внутренний нравственный смысл религии: и самая стоическая доктрина принимает известный религиозный характер. Гастон Буасье в своей монографии о римской религии изображает резкий контраст между римским обществом конца Республики, полным равнодушия и скептицизма, для которых лучшим историческим свидетельством являются письма Цицерона, и обществом времен Антонинов с его глубоким тяготением к религии, культу, положительной вере. Стоическая философия преобразовывается в соответствии с этими потребностями. Позже и она оказывается слишком интеллектуальной, слишком много предоставляющей логическому разуму; ее место займет неоплатонизм с его возвеличением

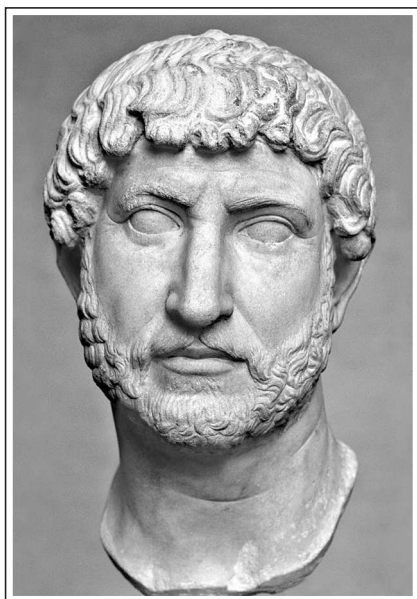
мистического экстаза; но во дни юности Марка Аврелия в образованных кругах голос стоической философии, как религиозно-моральной законодательницы, звучал еще громко и авторитетно, и ее не могли дискредитировать едкие насмешки в лукиановском стиле.

Употребляя выражение, столь обычное в католической церкви, можно сказать, что стоицизм притязал на «попечение о душах» (*cura animarum*), и эти притязания признавались законными. Философ обращался в проповедника; проповедник не довольствовался ролью популярного ратора и стремился быть реформатором нравственности. Стоя у изголовья умирающего, провожая осужденного на казнь, он умел разгонять страх смерти, давать душе мир и утешение; он же умел проникать в дома высшей аристократии, во дворцы цезаря, брал в свои руки воспитание детей его, как это впоследствии с таким несравненным искусством научились делать иезуиты.

Можно было бы говорить о своеобразном идеале стоической теократии как духовного правления обществом — что иное стояло в центре забот Григория VII и Иннокентия III? — если бы не чувствовались искусственность и парадоксальность в употреблении слова «теократия» там, где нет церкви и нет определенного исповедания. Насколько широко могло в эту эпоху осуществляться влияние стоицизма, лучше всего показывают дошедшие до нас сведения о таких его народных учителях и проповедниках, как Демонакс и Дион Хризостом.

Эта религиозно-нравственная сторона стоицизма произвела наиболее сильное впечатление на Марка Аврелия. Он узнал ее в особенности от Юния Рустика, которому он выражал признательность в своих «Размышлениях» (1, VII) за то, что не увлекся теоретическими спекуляциями, и за знакомство с Эпиктетом. В этом смысле Марк Аврелий является весьма ярким представителем позднейшего стоицизма, для которого физика и логика совсем заслоняются этикой. Он готов благодарить богов за то, что не погрузился ни в силлогизмы, ни в исследования небесных явлений. Правда, он в то же время советует постоянно применять учения не только этики, но и физики и логики (8, XIII), но едва ли сам следовал данному совету.

Не видим мы у Марка Аврелия интереса к положительной науке: он не знает того, что мог бы знать современник Птолемея и Галена. Но здесь уже сказалась одна из самых роковых черт в истории этих последних веков античной цивилизации — полный разрыв религиозно-моральных интересов и научной любознательности, полное забвение в этом смысле аристотелевской традиции. Так подготовля-

Скульптурный портрет императора Адриана.

Мрамор.
Первая половина II в.

лось то несколько преувеличенное в традиционном изображении, но все же достаточно поразительное научное бесплодие европейского Средневековья.

Но если эти уроки философии были односторонни в смысле умственной пищи, они могущественно влияли на волю и характер впечатлительного ученика. Желая освободиться от потребностей, он, несмотря на довольно неустойчивое здоровье, вел самый суровый, аскетический образ жизни, спал на голых досках, и только неотступные просьбы матери побудили его смягчить режим и положить на свое жесткое ложе звериную шкуру.

В своих сношениях с людьми он отличался исключительной правдивостью, которая давала повод императору Адриану, допуская игру слов, называть его не *Verus*, а *Verissimus**. Но этот аскетизм и эта личная нравственная строгость не лишали его понимания и интереса к той государственной жизни, в которой ему предстояло играть столь ответственную роль. Последнюю определило решение императора Адриана, который усыновил и назначил своим преемником Антонина Пия, с тем чтобы Антонин, в свою очередь, усыновил Марка Вера.

Император, очевидно, хотел создать известную форму наследственной передачи власти, которая могла бы обеспечить до некоторой степени государственный порядок, нарушаемый преторианскими переворотами: усыновление же, по римскому взгляду, было всецело равнозначно естественному происхождению. Из намеков христианской апологии Афинагора, обращенных к Марку Аврелию и Коммоду, можно думать, что и сам император Марк Аврелий в установленном престолона-

* *Verus* — истинный, правдивый; *verissimus* — правдивейший (лат.).